

ТЁПЛЫЕ ТОНА

I

за месяц у арестантов
живущих в одной камере
синхронизируется цикл
вращения чёток

апельсин пахнет солнцем
неудержимым смехом
тяжёлым от бега дыханием
отбитым воланом
чем угодно только не апельсином
запах апельсинов запрещён
правилами внутреннего распорядка

движения арестанта медлительны
как у хирурга
проводящего операцию
на открытом сердце
собственной дочери
под водой
со связанными руками
бритвенным лезвием
сон арестанта чуток
крепок
чуток
а потом так крепок
что утренняя проверка
кажется продолжением
очередного кошмара
память арестанта
вывернута наизнанку
повёрнута в будущее
где огненными письменами
горят первые слова
начертанные Последним Пророком

кушот
ниумереть
напесат книшку

II

третий час бодрствования
с сомкнутыми веками:
сон арестанта медлителен
как и всё остальное
так кровь
из неторопливо вскрытой
запястной артерии
медленно пропитывала
худой матрас

собиралась в капли
задумчиво рисовала горошины
на лице арестанта
ярусом ниже
пока тонкий
пульсирующий фонтанчик
наконец не иссяк
слишком рано
криворукий
даже сдохнуть не можешь
лениво злится арестант
потирает пульсирующий рубец
скрючившись на слишком
короткой
узкой
жёсткой
(тут ничего не делают
наполовину)

койке
переворачивается на другой бок
трёт лоб
отгоняет мысли
свободного человека
слишком чистые
чтобы думать их здесь
раздражённо думает о мальчике
который выжил
когда сама жизнь отреклась
от своих детей
и о том
что персонажа будут путать
с автором
как бы ни был последний
достоверно мёртв
глубоко закопан
накрепко забыт

Вызывает недоумение:
 к кому обращён этот пост?
 Кто, как принято теперь
 (кем?) говорить
 целевая аудитория?
 Манкурты? Выкресты?
 Жители Тропарёво-Никулино?
 Иваны, родства не помнящие?
 Или вы и впрямь,
 рассчитываете на диалог
 с верными сынами Отчизны
 вечную преданность которых —
 вы так огульно назвали припятью?
 Или вы всерьёз добиваетесь ответа
 у тех, кто посреди чухонских
 болотищ
 в удушливом тумане
 насыпал семь курганов,
 воздвиг семь башен,
 разбросал по берегам подземных рек
 Порт пяти морей?
 У тех, кто с гордостью
 приносил первенцев в жертву
 всеобъемлющему Молоху
 единоначального великодержавия
 и доживает отпущенное им
 на грошовую пенсию
 с надбавкой героя
 социалистического труда
 в подземном переходе станции
 метро «Текстильщики»?
 ну так вы напрасно себя утруждаете
 они вас не слышат
 их уши залиты воском
 в их глазницах свернулось олово
 их оловянные взгляды смотрят,
 не отрываясь,
 как Родина-Матушка
 простоволосая босая
 в полотняной рубахе колоколом

Д. С. обманчиво-медленно
 висящей на белых ключицах
 поднимается с колен
 Ауми! Эйя!
 Или, может, вы ждёте,
 что вас прочтут
 семеро падших царей,
 пронзённых единой стрелой?
 Что над вашими строками
 нахмурятся
 удушенники, улыбающиеся в петле,
 потому что нет подвига более,
 чем душу-голубку сгноить
 в пережатом горле
 за рдяный убор рябин, за ковыли
 и саманник
 за родной простор
 медвяно-берёзовый?
 Говорят, поэзия —
 это разговор с Богом!
 И уж Он-то вас точно читает,
 задумайтесь!
 Эйя! Эйя! Кутулу зу кур!
 И что вы для Него пишете?
 Зи-акзак! Зи-акзак!
 Но это ваше с Ним личное дело.
 Ваши стихи мне-когда-то
 нравились;
 Но теперь пусть Он,
 Убо-Сатхала! Начинаящий
 и Завершающий
 их читает, а я просто отписываюсь,
 всего хорошего.

* * *

миллион фоточек
 распечатать, смять, и польётся
 солнце
 и я там есть
 скалюсь кому-то поверх объектива
 волна накатывает на берег,
 задевая гребнем облака

держишь за дерево, кричу
крепче!

известковые ямы

и я там

скалюсь кому-то поверх дула

и я там, кому-то, упёршись щекой

в приклад,

скалюсь

* * *

они рассказывают кошмарные сны

бежишь по лестнице а она

не кончается

дерёшься с врагом будто в воде

медленно

пропускаешь удар за ударом

мы уже голые но кофе убегает

лестница оканчивается стеной

драка оканчивается не начавшись

лежу прикрываю руками затылок

и шею

мы уже голые но стена огня всё ближе

проламываюсь через стену

встаю

обнимаю

* * *

там он спрашивает в трубку

ты меня любишь?

и идёт по своим делам

потому что даже через

все червоточины

годы пройдут прежде чем

она ответит

годы спустя

где была пустыня плещется море

где были голые скалы шумят травы

и огонёк автоответчика мигает

и голос из динамика сначала

звонко смеётся

потом говорит

я думала ты и не спросишь

* * *

там он спрашивает в трубку

ты меня любишь?

и идёт по своим делам

потому что даже через

все червоточины

годы пройдут прежде чем она ответит

годы спустя

где была пустыня плещется море

где были голые скалы шумят травы

и огонёк автоответчика мигает

и голос из динамика сначала

звонко смеётся

потом говорит

я думала ты и не спросишь